и спать не погоже.
Сидел 19 недель,
а вон ис тюрмы глядел.
А мужики, что ляхи,
дважды приводили к плахе.
За старые шашни
хотели скинуть з башни.
А на пытках пытают,
а правды не знают.
Правду де скажи,
ничего не солжи.
А яз им божился,
и с ног свалился,
и на бок ложился
Не много у меня ржи,
Нет во мне лжи.
Истинно глаголю,
воистинно не лжу.
И они того не знают,
болши того пытают.
И учинили надо мною путем,
мазали[1] дважды кожу кнутом.
Да моим, государь, грехом недуг не прилюбил,
баня дурка, да мовник глуп.
Высоко взмахнул,
тяжело хлыснул.
От слез добре велик.[2]
Прикажи, государь, чем лечить;
а мне, государь, наипаче за тебя бога молить,
что бог тебя крепит,
дай, господи, и впредь так творит...
Розван,[3] что баран,
разорен до конца,
а сед, что овца,
не оставили ни волосца животца
и деревню сожгли до кола.
Рожь ратные пожали,
а сами сбежали.
А ныне воистину живем и в погребище
и кладем огнище,
а на ногах воистинну остались одне голенища.
Зритель, государь, сердца бог — не оставили шерстинки,
ни лошадки, ни коровки,
а в земли не сеяно ни горстки.
Всего у меня было живота корова,
и та не здорова.
Видит бог,
сломило рог.
Да бог сердца весть,
нечего есть.
Велел бог пожить
и не о чем тужить...

Как видим, фольклорным в этом ярко крепостническом послании можно назвать лишь его своеобразный стих да выразительную, не лишенную юмора речь. Автор, для которого „мужики, что ляхи", несколькими словами изображает итог их расправы с ним и горюет о том, что „твоя ж и моя вся взята быша без останка", т. е. погибло имущество и его, и его высокого покровителя. Интерес послания заключается и в том, что книжно образованный человек, щедро уснащающий свое изложение цитацией памятников украшенного исторического пове-

[1] Здесь ошибочно, не у места повторено „кожу".
[2] Может быть после „велик" пропущен стих.
[3] Слово переписчиком испорчено.